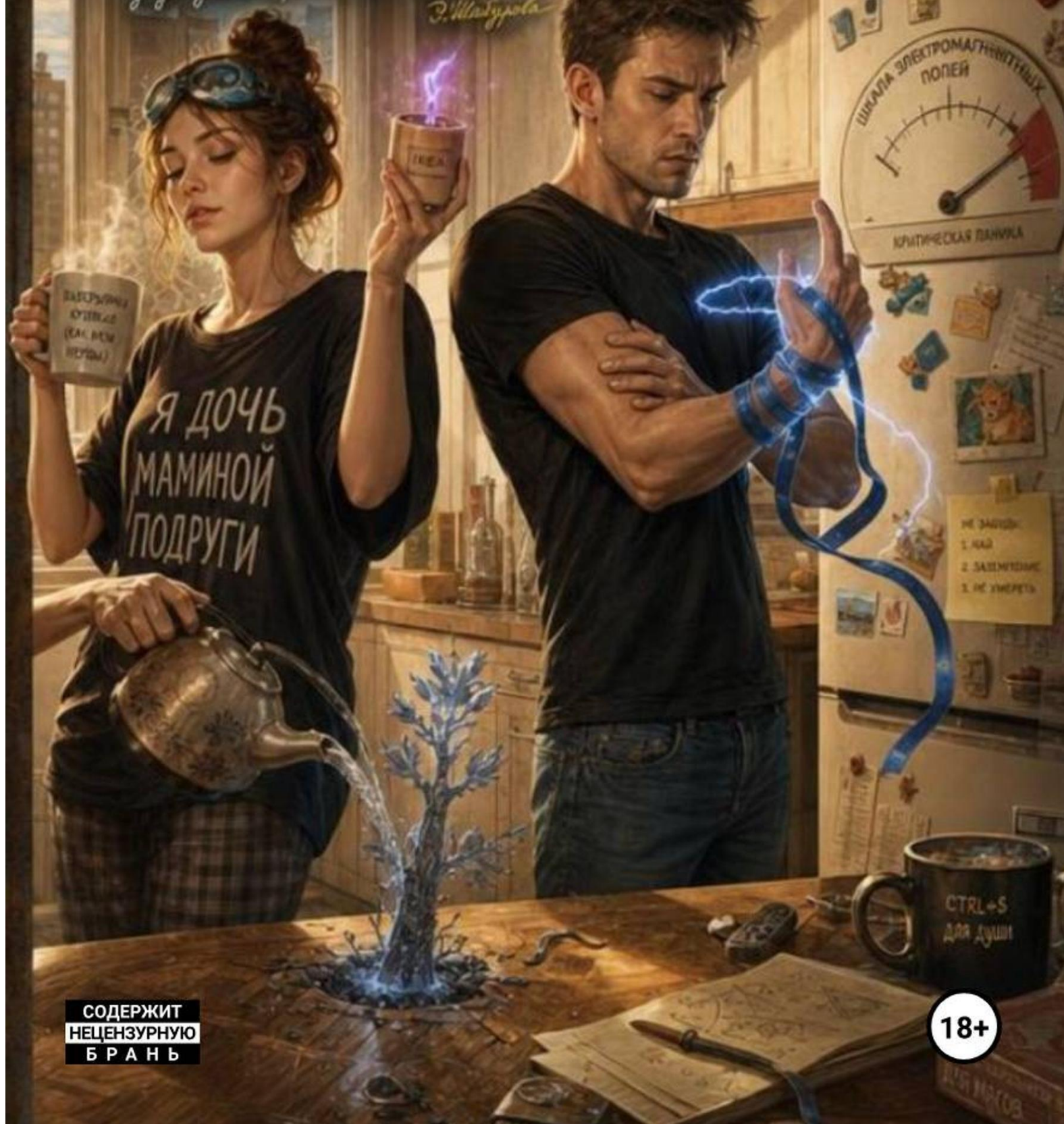

АВТОР ЭЛЬМИРА ШАБУРОВА

НЕЙРОХАКЕРЫ БЕЗДНЫ

*Магия — это просто плохо
задокументированная нейробиология.*
Э. Шабурова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эльмира Шабурова

Нейрохакеры Бездны

«Автор»

2026

Шабурова Э.

Нейрохакеры Бездны / Э. Шабурова — «Автор», 2026

Магия — это не выдумка и не суеверие. Это нейробиология. Алиса знает об этом всё. Победительница телешоу экстрасенсов, она построила карьеру на том, что превращала древнюю ворожбу в нейропсихологию для бедных: продавала иллюзию контроля над будущим тем, кто отчаялся найти работу или вернуть мужа. Её бизнес-план был идеален: немного психологии, щепотка самовнушения и много блефа. Но однажды утром Москва дала сбой. Вместо привычного трафика город получил пробойну в Лимб прямо посреди Текстильщиков. Изнанка реальности прорвалась наружу, принеся с собой существ из чужих кошмаров, а её зловерная соседка-ведьма Тамара Игоревна просто исчезла, растворившись в портале собственного производства. Теперь Алисе придется объединиться с тем, кого она хотела видеть меньше всего — своим племянником Романом. Инженер-нефтяник, человек формулы и ГОСТа, приехавший в столицу чинить трубы, внезапно оказался единственным, кто может объяснить магию законами физики.

© Шабурова Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ворожея из телевизора	5
Глава 2. Инженер в отпуске	10
Глава 3. Соседка, которая пахнет ладаном и серой	16
Глава 4. Нейробиология чуда	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Эльмира Шабурова

Нейрохакеры Бездны

Книга посвящается реальной моей сестрёнке Алисе и реальному моему племяннику Роману. Я вас люблю, мои чудики-юдики мелкие, хоть вам уже за тридцать.

Глава 1. Ворожея из телевизора

Меня зовут Гаврила Олегович Сдых, и я нахожусь в состоянии перманентного экзистенциального кризиса с тысяча девятьсот пятьдесят второго года. По паспорту моей хозяйки — а точнее, по свидетельству о временной регистрации кота-фамильяра, которое она подделала в фотошопе за полторы тысячи рублей, — мне семь лет. На самом деле мне около семидесяти четырех человеческих лет, если считать по формуле «один кошачий год равен семи человеческим», но это для плебеев. Для таких, как я, время течет иначе: оно измеряется количеством сожранной сметаны и глубиной человеческого идиотизма, который приходится наблюдать ежедневно.

Сейчас глубокая ночь. За панорамным окном студии федерального канала бьется неоновая Москва-река, отражая логотипы банков и автосалонов. Я лежу на коленях Алисы. Точнее, пытаюсь лежать. Мои восемь килограммов чистого презрения к мирозданию давят ей на бедра так, что у нее скоро начнется некроз тканей, но встать она не может.

— Гавр, подвинься, ты тяжелый, как бетонная плита, — шепчет Алиса, поправляя микрофон-петличку, спрятанный в декольте ее псевдо этнического платья. Платье расшито бисером, стеклярусом и дешевыми стразами от Сваровски. Под всем этим великолепием скрывается тонкий слой термобелья Uniqlo Heattech, потому что кондиционеры в Останкино дуют со скоростью ветра в аэродинамической трубе.

Я демонстративно потягиваюсь, выпуская когти сквозь плотную ткань юбки прямо в нежную плоть названной племянницы. Она ойкает, но терпит. Профессиональная деформация потомственной ворожеи третьей категории (по классификации Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ) обязывает терпеть боль ради высокого рейтинга.

На сцене напротив нас сидит заплаканная женщина в леопардовом кардигане. Ее муж ушел к кассирше из «Пятерочки». Стандартный кейс. Левый глаз женщины дергается в нервном тике, выдавая переизбыток кортизола в крови.

Ведущий шоу «Скажи, что будет» Денис Вересаев делает драматическую паузу. Он смотрит в камеру тем самым взглядом, которым кастрированные коты смотрят на голубей за стеклом — смесь лютой ненависти и абсолютного бессилия. У Дениса ипотека в Мытищах и двое детей-студентов, поэтому он продает надежду оптом.

— Итак, Тамара! — голос ведущего вибрирует от фальшивого сочувствия. — Вы пришли к нам, чтобы узнать судьбу вашего брака. В нашей студии находится победительница третьего сезона всероссийского мистического телешоу, ясновидящая в третьем поколении, наследница древнего рода северных ведуний... Алиса!

Алиса встает. Движения отработаны до микрона. Плавный взмах рукой, легкий наклон головы, взгляд исподлобья. Камера берет крупный план. Зритель должен видеть глаза цвета мокрого асфальта, в которых якобы плещется вековая мудрость.

На самом деле зритель видит расширенные зрачки. Перед выходом в студийный зал ассистент режиссера незаметно пшикнул Алисе в лицо спреем с экстрактом красавки (Atropa

belladonna). Старая театральная уловка. Атропин вызывает мидриаз, делая человека похожим на наркомана или истинного провидца. Плюс три капли фенилэтиламина в зеленый чай перед эфиром — для легкой эйфории и повышения эмпатии. Химия чистой воды.

— Я вижу... — начинает Алиса низким, грудным голосом, которому позавидовала бы Раневская. — Я вижу холод. Ледяной ветер между вами.

Женщина всхлипывает. Зал ахает. Я мысленно закатываю глаза. Холодный ветер — это сквозняк от вентиляции, которая гоняет воздух над ледяными фигурами спонсорского катка, установленного прямо за кулисами. Но людям нужны метафоры, а не законы термодинамики.

— Его сердце больше не бьется в такт с вашим, — продолжает Алиса, водя руками над столом. — Оно ищет тепла там, где пахнет ванилью и дешевым стиральным порошком...

Ваниль и порошок — это нейроассоциативный маркер. Кассирши всегда пахнут либо булочной, либо бытовой химией. Это считается по остаточному запаху на одежде мужа, которую жена принесла с собой в пакете (стандартное требование редакторов шоу — принести личные вещи объекта поиска для «настройки»). Алиса просто проанализировала обонятельные рецепторы, когда они заходили в студию. Никакой магии. Чистая физиология высшей нервной деятельности.

Зал взрывается аплодисментами. Женщина рыдает уже открыто, размазывая тушь Max Factor по щекам. Продюсер в наушнике показывает Алисе большой палец. Рейтинг растет. Рекламный блок после этой сцены уйдет по цене крыла от «Боинга».

Мы идем на рекламную отбивку. Алиса падает обратно в кресло, скидывая меня на пол. Я приземляюсь на все четыре лапы, фыркаю и начинаю вылизывать задницу. Прямо посреди гримерки. Пусть видят мой протест против эксплуатации тонких материй.

— Ты была великолепна, детка! — к нам подбегает Илья Маркович, продюсер проекта. Толстый, потный, вечно жующий ментоловые пастилки. От него несет отчаянием и перегаром вчерашнего корпоратива. — Этот кусок про «дешевый стиральный порошок» — просто бомба! Отдел постпродакшена наложит звук разбитого сердца, пустим замедленную съемку твоих рук... Номинация на ТЭФИ обеспечена.

Алиса молча снимает с шеи тяжелую подвеску из лунного камня. Внутри подвески спрятан мощный неодимовый магнит, который сбивает работу диктофонов излишне любопытных коллег. Она достает из внутреннего кармана пластиковую бутылку без этикетки, откручивает крышку и делает жадный глоток. Обычная фильтрованная вода. Ей нужно смыть сухость во рту от адреналина.

— Илья Маркович, давайте без порошка в следующем выпуске, — говорит она ровным голосом. — И без льда. Меня тошнит от этих штампов. Люди приходят с реальной болью, а мы кормим их сценариями дешевых мелодрам.

Продюсер перестает улыбаться. Его лицо становится похожим на плохо поднявшееся тесто.

— Алиса, — цедит он, нависая над ней своей оплывшей массой. — Напомнить тебе условия контракта? Или напомнить, сколько стоит твоя квартира в пределах Садового кольца? Магия должна продаваться, Алиса. Она должна быть понятной бабке из Сызрани и менеджеру среднего звена из Люберец. Если ты хочешь читать им лекции по когнитивно-поведенческой терапии, иди преподавать в МГУ. А здесь люди платят за чудо. За чудо, мать его! Чтобы картинка была! Чтобы слеза текла! Чтобы этот твой... питомец... тоже работал!

Он тычет коротким пальцем-сосиской в мою сторону.

Я прекращаю вылизываться. Медленно поворачиваю голову. Мой хвост начинает совершать плавные гипнотические движения из стороны в сторону. Гаврила Олегович не любит, когда на него повышают голос посторонние. Особенно те, кто ест шаурму возле метро без использования влажных салфеток.

— Не смейте указывать моему фамильяру, что ему делать, — тихо произносит Алиса. В ее голосе впервые за вечер появляется сталь. Настоящая, калёная, а не бутафорская. — Гавриле Олеговичу глубоко плевать на ваш рейтинг. Как и мне. Но контракт есть контракт. До конца эфира еще двадцать минут.

Илья Маркович багровеет, хватает свою рацию и уходит отдавать распоряжения осветителям. Свет мигает, становясь чуть более синим и тревожным. Идеально для темы порчи и венца безбрачия.

Как только он скрывается за поворотом коридора, Алиса оседает. Вся ее осанка ведьмы испаряется. Плечи опускаются, подбородок дрожит. Она трет переносицу большим и указательным пальцами — классический жест зрительного переутомления.

— Господи, Гавр, — шепчет она, притягивая меня к себе. Я позволяю себя поднять, хотя внутренне морщусь от запаха ее горячего дыхания, смешанного с пылью студийных софитов. — Как же это всё мерзко. Я чувствую себя шарлатанкой.

— Ты и есть шарлатанка, — констатирую я, умачиваясь поудобнее на ее груди. Моя шерсть электризуется от синтетики ее платья, и каждый раз, когда я шевелюсь, между нами пробегают синие искры статики. — Причем довольно ленивая. Могла бы хоть освежитель воздуха с запахом ладана купить, а то несет от тебя валерьянкой и офисной кофемашиной.

— Заткнись, дух-хранитель, — она легонько щелкает меня по носу. — Тебе легко говорить. Ты сидишь в тепле, ешь паштет из индейки и гадишь в кристаллический силикагель. А мне завтра Ромку встречать.

При упоминании племянника мое левое ухо непроизвольно дернулось. Роман Сафин. Инженер-нефтяник с буровой платформы где-то в районе Ханты-Мансийска. Парень тридцать лет от роду, весом в девяносто килограмм чистых мышц, костной ткани и железобетонного материализма. Он приезжает в Москву в отпуск. Впервые за три года.

Алиса боится этого визита так, как мыши боятся ультразвука.

Роман воспитан старой школой советской инженерии. Для него магия заканчивается на законе Ома и принципе работы турбобура. Всю жизнь он считал свою тетку немного странной женщиной с прибабахом, которая зачем-то жжет свечи и разговаривает с котом. То, что последние два года Алиса купается в лучах телевизионной славы, лишь укрепило его в мысли, что столица окончательно сгнила мозгами.

— Он увидит этот выпуск, — продолжает причитать Алиса, меряя шагами узкий коридор гримерки. — Он включит телевизор в гостинице, а там его любимая тетушка вещает про «ледяной ветер» и «запах порошка». Что я ему скажу? «Рома, это всё нейробиология, синапсы и зеркальные нейроны, а вон тот дым из чаши — это просто сухой лед, растворенный в горячей воде»?

— Скажешь правду, — мурлычу я. — Что тебе очень нужен был первоначальный капитал для аренды помещения под нормальный кабинет психологической разгрузки, а телевидение платит кэш сразу после эфира, минуя налоговую оптимизацию.

— Он перестанет со мной разговаривать, — она останавливается и смотрит на свое отражение в темном экране выключенного монитора. Без макияжа, при мертвенном свете дежурных ламп, она выглядит на свои честные тридцать три. Уставшая, умная, бесконечно одинокая женщина. — Он уважает меня как специалиста. Я же кандидат наук была, Гавр. Кафедра нормальной физиологии. Я знаю, как работает префронтальная кора головного мозга. Я могу по пульсу определить уровень сахара в крови. А теперь я машу руками перед камерами и говорю, что Венера вошла в дом Сатурна. Мне иногда кажется, что я схожу с ума.

Она снова прикладывается к бутылке с водой.

— Ты не сходишь с ума, — я бодаю ее головой в подбородок. — Ты занимаешься грамотным маркетингом. Проблема в том, что твой целевой аудиторий — идиоты, а главный маркетолог — слизняк. Кстати, пока ты тут рефлексировала, у тебя правый глаз начал дергаться.

Купи магний В6. И прекрати пить кофе на пустой желудок, у тебя кислотность разъест пищевод раньше, чем придет деменция.

— Спасибо, доктор Хаус, — слабо улыбается она. — Осталось десять минут до финала. Нужно найти пропавшего мужа. Пойдем, устроим спиритический сеанс с фотографией.

Мы возвращаемся в студию. Яркий свет бьет по глазам. Воздух густой от лака для волос, парфюма зрителей галерки и липкого страха. Страх имеет специфический кисловатый привкус меди. Когда толпа людей чего-то сильно боится или жаждет, в помещении меняется ионная проводимость. Я чувствую это вибриссами.

Алиса берет со стола фотографию мужчины. Обычный дядька с залысинами и грустными глазами сенбернара.

— Потоки энергии говорят мне... — заводит она старую пластинку, закрывая глаза. — Они говорят, что он сейчас в месте, где много металла и шума. Где работают машины. Автомастерская? Нет... Грузовой терминал? Склад?

Женщина на сцене подается вперед, молитвенно сложив руки.

Я смотрю на монитор режиссерской группы, который повернут ко мне краем. На нем открыта база данных службы безопасности телеканала. Профиль гостя. Место работы: ООО «Логистика-Север», водитель-экспедитор склада металлопроката.

Никакой магии. Просто периферическое зрение и хорошая память на детали из личных дел, которые редакторы забывают закрывать.

— Да! Да, он работает на складе! — кричит женщина. — Ой, простите, вырвалось...

Зал ликует. Аплодисменты переходят в овации. Ведущий Денис едва не плачет от счастья, предвкушая цифры доли smotreniya.

Алиса открывает глаза. Наши взгляды встречаются на долю секунды. В ее глазах нет торжества победителя. Там только глухая, вязкая усталость человека, который знает цену каждому хлопку этих ладоней. Она знает, что никакого «потока энергии» нет. Есть холодный расчет, знание базовых паттернов поведения мужчин среднего возраста (после ссоры с женой они действительно часто ночуют у друзей или на работе) и капелька везения.

Финал передачи снимают быстро. Слезы примирения, обещания вечной любви, промокшие от соплей бумажные салфетки.

Когда команда кричит «Стоп, снято!», Алиса сдергивает петличку так резко, что отрывает пуговицу на блузке. Она даже не замечает этого. Накинув на плечи обычную джинсовую куртку поверх своего нелепого сценического костюма, она превращается обратно в обычного московского жителя.

— Илья Маркович, мои через час, — бросает она продюсеру, направляясь к выходу.

— Давай, звезда, зажги там! — хохочет он, уже забыв о недавнем конфликте.

Алиса игнорирует его. Мы выходим в душную августовскую ночь. Охранник подземной парковки узнает машину Алисы и поднимает шлагбаум.

Мы едем домой, в маленькую двушку в старом фонде на Таганке. Окна выходят во двор-колодец, где даже днем горят фонари. Квартира пропитана запахами сушеных трав, озона от работающего очистителя воздуха и моим личным мускусом. Никаких черепов, черных свечей и жаб в банках. Только книжные стеллажи от пола до потолка, забитые монографиями по неврологии, психиатрии и биохимии.

— Надо успеть принять душ, — говорит Алиса, одной рукой крутя руль, другой пытаясь достать телефон из кармана куртки. — И сварить борщ. Ромка любит борщ. Сказал, что соскучился по домашней еде. Три года питался столовской сухомяткой и дошираками.

— Борщ — это прекрасно, — соглашаюсь я, сидя на пассажирском сиденье. Ремень безопасности я ненавижу всеми фибрами своей астральной души, поэтому просто упираюсь лапами в торпедо. — Главное, чтобы он не решил проверить, настоящая ли у тебя сметана.

И не пытался погладить меня. Я буду шипеть. У меня стресс после телевидения. Нейронные связи восстанавливаются тяжело.

— Не ворчи. Он хороший мальчик. Просто... слишком правильный. Весь в отца.

Она паркуется в тесном дворе, заставленном ржавыми «Жигулями» и новенькими кроссовками. Мы поднимаемся на третий этаж пешком — лифт опять сломан, а местный электрик Петрович второй месяц пребывает в запое, общаясь с чертями, которые живут в щитке. Петрович уверен, что он избранный. Я пару раз спускался к нему в гости. Черти оказались обычными белочками на фоне алкогольного делирия, но спорить с ним я не стал. Зачем разрушать человеку картину мира, если эта картина приносит ему такое глубокое удовлетворение?

Квартира встречает нас тишиной. Алиса первым делом идет на кухню, ставит кастрюлю с водой на газ и начинает чистить свеклу. Вода шумит, нож ритмично стучит по доске. Это самые успокаивающие звуки во вселенной.

Я запрыгиваю на подоконник. Отсюда виден кусок неба и крыша соседней пятиэтажки. На крыше сидит старая ворона Матильда. Она тоже видела динозавров. Мы обмениваемся вежливыми кивками.

— Знаешь, Гавр, — говорит Алиса, не оборачиваясь. Ее руки по локоть в красном соке. — Иногда мне хочется всё бросить. Купить домик в деревне, завести козу и лечить людей отварами подорожника. По-настоящему лечить. Собирать анамнез, назначать анализы, объяснять психосоматику...

— Тогда тебе придется убить продюсера Илью и закопать его в лесу, предварительно проведя обряд очищения территории солью, — отвечаю я. — Иначе он найдет тебя даже в тайге. Контракт кровью подписан, моя дорогая. Шоу-бизнес не отпускает своих звезд. Тем более таких удобных, которые сами знают устройство фокус-групп.

— Циник ты старый, — она смеется. Смех получается настоящим, живым. Таким я люблю ее больше всего. Не тогда, когда она играет великую ведунью, а когда вот так, босиком, в старых трениках, режет овощи для уставшего племянника.

— Я не циник, — я тщательно вылизываю переднюю лапу. — Я древняя сущность, заключенная в теле персидского кота. Это дает право на определенную степень философского нигилизма. К тому же, твой борщ выкипает.

Алиса вскрикивает, хватается за ручку кастрюли полотенцем и убавляет огонь. Бурление стихает.

Глава 2. Инженер в отпуске

Я считаю, что человечество совершило свою главную эволюционную ошибку не тогда, когда слезло с дерева и взяло в руки палку-копалку, а тогда, когда изобрело эконом-класс авиакомпании «Победа».

Роман Сафин вывалился из такси ровно в четырнадцать часов двенадцать минут по московскому времени. От него разило так, словно он три часа пролежал на багажной полке вместе с чьей-то потной спортивной сумкой и копченой курицей. Хотя почему «словно»? Учитывая специфику лоукостеров, именно там он, скорее всего, и провел большую часть полета из Сургута.

Моя Алиса встречала его у подъезда. Она надела свои лучшие джинсы — те самые, которые визуально делают задницу похожей на две спелые дыни, — и футболку с логотипом Массачусетского технологического института. Очередная попытка мимикрии под нормальных людей. Как будто надпись «Massachusetts Institute of Technology» может скрыть тот факт, что полчаса назад она жгла над унитазом пучок шалфея для энергетической чистки санузла от астральных паразитов предыдущего арендатора.

— Ромка! — закричала она, бросаясь ему на шею.

От удара их тела столкнулись с влажным шлепком. Роман пах озоном (привет системе вентиляции аэропорта Шереметьево), дешевым кондиционером для белья (отель) и тем специфическим запахом мокрой собачьей шерсти, который источают люди, долго живущие в условиях Крайнего Севера. Его базальная температура была повышена на полтора градуса — акклиматизация после перехода из плюс тридцати в Тюмени в наши жалкие московские плюс восемнадцать под дождем.

— Тётъ Алис, задушишь, — прохрипел он, пытаясь оторвать ее от себя, но при этом неуклюже похлопывая по спине огромной ладонью. Руки инженера привыкли обхватывать буровые штанги, поэтому дозировать силу прикосновения к хрупкой женской ключице он категорически не умел. — Блин, ты чего такая тощая стала? Телевизор тебя совсем не кормит?

Алиса отстранилась, держа его за плечи на расстоянии вытянутых рук. Ее глаза лихорадочно блестели. Зрачки всё еще были чуть расширены после вчерашнего эфира, и сейчас адреналин встречи смешивался с остаточным действием симпатомиметиков. Классическая биохимия радости.

— Дурак, я просто рада, — она ткнула его кулаком в плечо. — Три года. Ни звонка на день рождения, ни открытки. Я думала, тебя белые медведи сожрали или ты упал в скважину.

— У нас сухопутное бурение, горизонтальное, — фыркнул Роман, наконец отпуская ручку своего гигантского чемодана на колесиках. Чемодан издал звук умирающего кашалота. — И связь только через спутник, дорого. Зато премию дали. Вот, решил столицу посмотреть. А то стыдно сказать: инженер-нефтяник, а Красную площадь последний раз видел в седьмом классе на экскурсии.

Он оглядел двор-колодец Таганки. Взгляд цеплялся за детали: трещина в асфальте шириной в два миллиметра, коррозия на водосточной трубе, покосившаяся скамейка. Мозг инженера работал непрерывно, сканируя среду на предмет структурных дефектов. Абсолютный рационалист. Идеальный объект для моего сегодняшнего развлечения.

— Ну заходи, нефтяной барон, — усмехнулась Алиса, открывая кодовый замок. — Только осторожно, порог высокий. Тут дом девятнадцатого века, тут законы физики иногда работают выборочно.

Они вошли в подъезд. Старая рассохшаяся дверь захлопнулась за ними с гулким стуком, подняв облачко пыли. Роман громко чихнул. Звук отразился от кафельных стен сталинского ампира семь раз.

— Будь здоров, — автоматически сказала Алиса. — Это не аллергия. Это домовый возмущается. Ты слишком много железа на себе носишь.

Она кивнула на его ремень с тяжелой стальной пряжкой, часы «Casio G-Shock», способные пережить ядерную зиму, и массивные ботинки со стальным стаканом в носке.

Я наблюдал за ними сверху, сидя на перилах второго этажа. Поза лотоса мне недоступна анатомически, поэтому я просто изящно сложил лапы, делая вид, что медитирую на игру пылинок в луче света. Мой хвост медленно покачивался, как метроном судного дня.

— Какой домовый, Алис? — Роман остановился, тяжело дыша после подъема на один пролет. Он упер руки в колени. На бицепсах натянулась ткань тонкой куртки. — Это асбестовая пыль и грибок в подвале. Споры плесени раздражают слизистую оболочку носа. Давление здесь низкое из-за перепада высот относительно уровня моря, вот тебе и кислородное голодание. Никакой мистики. Элементарная физика атмосферы и микробиология жилища.

О, началось. Проповедь святого Диспенсера Механического. Мне стало искренне любопытно, сколько секунд продержится его научный скепсис, столкнувшись с моей персоной. Обычно люди ломаются на фразе «Смотри под ноги, смерд».

Мы поднялись на третий этаж. Алиса возилась с ключами. Замок у нее сложный, английский, с ночной защелкой и дополнительным ригелем. Безопасность превыше всего, особенно когда твоя соседка — семидесятилетняя ведьма-эмигрантка, мечтающая открыть портал в преисподнюю.

— Проходи, — она толкнула тяжелую дубовую дверь. — Сумки ставь в коридоре. Не разуваясь, плевать на чистоту, полы все равно грязнее твоего сознания.

Роман шагнул внутрь первым. Вошел, как ледокол входит в тонкий лед — уверенно, раздвигая пространство своими широкими плечами. Остановился посреди прихожей, осматриваясь.

Квартира Алисы встретила его запахами. Борщ. Настоящий, наваристый, с мозговой косточкой и старым салом, которое она перетирает с чесноком перед подачей. Запах укропа и сметаны. Кофе. Дорогие кофейные зерна сорта арабика, обжаренные до второго крэка. И мой запах. Древний, мускусный, запах существа, которое помнит времена Ивана Грозного и считает всех президентов России временщиками.

— Ничего себе... — выдохнул Роман. — А где черепа? Где черные свечи? Котлы? По телевизору показывали какую-то готическую каптерку, а тут... библиотека.

Он был прав. Стены гостиной, куда вела арка из прихожей, были полностью закрыты стеллажами из темного дуба. Книги стояли плотными рядами. Никаких дешевых изданий вроде «Веды великой силы заговора». Здесь царили академические труды: «Нейрофизиология сна», «Психофармакология», «Когнитивные искажения», многотомный справочник по органической химии, атлас тибетской медицины, переплетенный в кожу, и полное собрание сочинений Павлова.

— Работа такая, костюмчик, — пожала плечами Алиса, проходя на кухню. — Людям нужен антураж. Если я буду принимать клиентов в халате с Микки Маусом и рассказывать про синапсы, они пойдут к бабке Нюре, которая даст им попить святой воды из-под крана. Магия — это театр, Ром. Декорации должны соответствовать ожиданиям зрителя.

— Но ты же сама в это не веришь, да? — он проследовал за ней на кухню, продолжая вертеть головой. — Я смотрел твои выпуски. Там этот дым сухой лед дает? А карты Таро ты заряжаешь статическим электричеством, чтобы они липли к рукам? Гениально, кстати. Уровень прикладной физики для средней школы.

Он говорил покровительственно. Так старшие братья говорят с младшими сестрами, играющими в куклы. В его вселенной всё имело объяснение. Любовь — окситоцин и вазопрессин. Страх — выброс кортизола и адреналина надпочечниками. Чудо — недостаток данных для построения логической модели.

— Садись, ешь, — Алиса сняла крышку с кастрюли. Пар ароматным облаком ударил вверх. — Остынет. И прекрати анализировать мою квартиру. Меня это утомляет. Я три года живу одна, привыкла разговаривать с умными людьми. То есть с котом.

— Кстати, о коте, — Роман сел за стол, положив огромные ладони на клеенку. — Где твой пушистый реквизит? Надеюсь, он не гадит в лоток с кристаллами горного хрусталя?

Вот оно. Время выхода примы на сцену. Я бесшумно спрыгнул с книжного шкафа прямо на холодильник. Поверхность отозвалась глухим металлическим гулом.

Роман поднял голову. Наши взгляды встретились.

У людей очень примитивная невербалистика. Когда зрительный контакт длится дольше полутора секунд, человеческий мозг начинает вырабатывать норадреналин. Возникает чувство тревоги.

«Почему эта шерстяная скотина смотрит на меня так, будто я задолжал ему квартплату за девяносто восьмой год?» — думает человек.

Глаза у меня желтые, цвета старого янтаря, с вертикальными щелочками зрачков. Сейчас, при дневном свете, они казались почти черными. Я моргнул третьим веком. Медленно, гипнотически.

— Гаврила Олегович, познакомься, — ровным голосом произнесла Алиса, накладывая борщ в глубокую фарфоровую миску. — Это Роман. Мой племянник. Тот самый мальчик, которого ты вытаскивал из крапивы, когда ему было пять лет, и он полез за моим клубничным вареньем на антресоли.

Роман перевел взгляд с меня на тетку. В его глазах промелькнуло недоумение.

— Вынос мозга начался сразу после супа? Ладно. Привет, кот. Хороший мех. Сибирский?

Я счел нужным ответить. Сидеть истуканом — это скучно, а мне нужно было оценить уровень его когнитивного диссонанса.

— Для человека, чья работа заключается в том, чтобы сверлить дырки в земной коре ради мертвых динозавров, у вас поразительно ограниченный словарный запас для приветствия высших существей, — сказал я чистым, поставленным баритоном. — Мех неважен. Важно то, что ваш пульс участился до ста восьми ударов в минуту, хотя вы сидите неподвижно. Ваши надпочечники начали фоновый выброс адреналина. Вы пытаетесь найти рациональное объяснение акустическому феномену, но ваша височная доля уже сигнализирует о панике. Называется это «эффект зловещей долины». Добро пожаловать в Москву, Роман.

Повисла тишина. Такая густая, что в ней можно было утопить бутерброд.

Алиса замерла с половником в руке. Капля свекольного сока сорвалась обратно в кастрюлю с громким «шлёп».

Роман моргнул. Один раз. Второй. Его кадык дернулся, сглатывая слюну. Лицо пошло красными пятнами — классическая гистаминовая реакция на шок.

— Это... динамик? — просипел он. Голос внезапно сел. — Под столом динамик. Или микрофон. Алиса, какого хрена?

Он резко нагнулся, заглядывая под массивный дубовый стол. Проверил батарею. Заглянул за холодильник. Искал провода. Логично. Любой материалист ищет источник питания.

Я мягко спрыгнул с холодильника прямо на стол, между его тарелкой и солонкой. Алиса тихо ойкнула. Я прошел мимо парящей миски с борщом, проигнорировав запах говядины, и ткнулся холодным мокрым носом прямо в лоб Роману.

Он отшатнулся, едва не опрокинув стул.

— Матерь божья! Оно разговаривает!

— Во-первых, не «оно», а «я», — я сел, обернув хвост вокруг лап. Демонстрировал закрытый контур спокойствия. — Во-вторых, если вы еще раз назовете мою хозяйку «реквизитом» или попытаетесь измерить мое биополе своим дурацким мультитулом, который прячете в правом кармане джинсов, я перенесу содержимое моего мочевого пузыря прямиком в вашу дорожную сумку. Поверьте моему шеститысячелетнему опыту, вывести метки фамильного духа-хранителя сложнее, чем очистить нефть от сернистых примесей.

Роман медленно опустил обратно на стул. Его челюсть двигалась, но звука не было. Он переводил взгляд с моей невозмутимой морды на абсолютно спокойное лицо Алисы.

— Алис, — выдавил он наконец. — Скажи мне, что это галлюцинация. Что ты подмешала мне в еду психоделик. ЛСД? Псилоцибин?

— Ешь борщ, остынет, — повторила Алиса. Она села напротив, взяла ложку и демонстративно зачерпнула гущу. — Никакой химии. Обычный домашний обед. Гаврила Олегович всегда говорит. Просто раньше ты приезжал без телевизора в кармане, поэтому мы эту тему не поднимали. Зачем травмировать нежную детскую психику инженера?

— Я думал, это сценарий шоу! Монтаж! Нейросети голосовые! — Роман начал говорить быстро, захлебываясь словами. Рационализм пытался построить дамбу против цунами реальности. — Существуют программы синтеза речи, рот синхронизируется... Челюстные мышцы кота сокращаются...

— Сокращаются, — согласился я. — Потому что я ими управляю. У меня нет гортани млекопитающего, юноша. Я — дух рода Сдых, инкарнированный в данную биологическую оболочку ввиду отсутствия более подходящих вариантов в тысяча девятьсот сорок седьмом году. Ваша тетюшка приютила меня, обогрела, и теперь я являюсь ее незримым щитом. Незримым, потому что щит обычно невидим, иначе какой в нем тактический смысл? Но сегодня я сделал исключение, чтобы сэкономить нам время. Итак, ваши анализы крови в норме, печень увеличена на восемь процентов — следствие жизни на белковой диете севера, остеохондроз шейного отдела прогрессирует, судя по тому, как вы держите левое плечо выше правого. Вопросы?

Роман схватил ложку. Рука дрожала так сильно, что серебряная ложка звякала о край тарелки, разбрызгивая рубиновые капли борща на скатерть. Он попытался поднести ложку ко рту, но зубы клацнули по металлу. Суп выплеснулся ему на подбородок.

Алиса молча встала, достала из шкафчика бумажное полотенце и протянула ему.

— Вдох. Задержка дыхания на четыре счета. Выдох на шесть счетов, — инструкторским тоном сказала она. — Активация парасимпатической нервной системы. Снижаем частоту сердечных сокращений. Паническая атака лечится физиологией, Ром. Это просто переизбыток кислорода в крови от страха. Тебе кажется, что мир рухнул, но на самом деле у тебя просто кружится голова.

Это сработало. Профессиональный тон врача-психофизиолога отрезвил его лучше нашатыря. Роман перестал трястись. Он взял салфетку, стер борщ и посмотрел на Алису совершенно новым взглядом. В нем больше не было снисхождения старшего брата. Было изумление ученого, столкнувшегося с необъяснимым результатом эксперимента.

— Почему... почему я никогда этого не знал? — спросил он тише. — Мы же общались каждый день по видеосвязи, по крайней мере когда я не на буровой, общались же. Ты могла бы хоть намекнуть.

— А зачем? — Алиса пожала плечами и принялась за свой борщ. — Чтобы ты присылал мне статьи из журнала «Популярная механика» с заголовками «Может ли кот быть квантовым компьютером»? Ром, моя жизнь и так достаточно безумна. Я веду двойную бухгалтерию: для налоговой и для закупщиков сушеных жабьих лапок. Последнее, что мне нужно — это лекции от любимого племянника о том, что говорящий кот нарушает закон сохранения энергии. Он ничего не нарушает. Он просто существует вне твоей текущей научной парадигмы.

Роман медленно повернул голову ко мне. Теперь он смотрел не как на монстра, а как на сложную инженерную задачу. Опасный поворот. Инженеры любят разбирать сложные задачи на винтики. Боюсь, скоро он захочет взять мазок с моего языка для лабораторного анализа ДНК.

— Допустим, — произнес он. Слово далось ему с трудом, словно булыжник. — Допустим, ты — древний дух. Фамильный хранитель. Тогда почему ты выглядишь как кастрированный персидский мешок с картошкой? Где чешуя? Где крылья? Где огонь из пасти?

Я оскорбленно дернул ухом. Кастрированный? Этот смертник только что подписал себе приговор. Хорошо, что проклятия на языке духов требуют сложной артикуляции, которой лишены кошачьи голосовые связки. Придется действовать методами психологического давления.

— Огонь из пасти выдает ваше местоположение тепловизорам противника, молодой человек, — процедил я. — Чешуя требует постоянной смазки секретом желез, что неудобно при наличии диванов из алькантары. Крылья мешают проходить в форточки. А форма данного тела выбрана исключительно из соображений эргономики и маскировки. Попробуйте заподозрить в шпионаже существо, которое двадцать часов в сутки спит, издавая звуки неисправного трактора «Беларусь». Никто не будет искать серверную комнату мирового значения внутри того, кто блюет комками шерсти на новый ламинат. Это высшая степень конспирации.

Алиса тихо прыснула в кулак.

— Видишь, — сказала она Роману, улыбаясь уголками губ. — Он невыносимый всезнайка даже в магическом мире. Полторы тысячи лет гонору в теле весом в восемь килограмм. Привыкай. Он будет спать на твоей голове, комментировать твои сны и воровать колбасу из пакета. Это стандартная программа лояльности духов Сдых.

Роман глубоко вздохнул. Медленно выпустил воздух сквозь сжатые зубы. Посмотрел на потолок. Потом на стены. Затем снова на меня.

— Ладно, — сдался он. — Гипотеза номер один: массовая галлюцинация. Отклонена, так как стимул внешний, аудиальный. Гипотеза номер два: высокотехнологичный розыгрыш. Требуется проверки. Можно я посмотрю твои зубы? Нет ли там микродинамика?

— Еще одно движение в мою сторону, и следующая гипотеза, которую ты будешь проверять — это теория струн на примере моих когтей, скользящих по твоей сонной артерии, — любезно сообщил я. — Ужинай. Завтра утром придет твоя соседка, та самая Тамара Игоревна. Она откроет пространственный разлом в ванной комнате, используя вместо катализатора просроченный кефир и ржавый гвоздь. Вот тогда мы поговорим о науке всерьез. А пока — соблюдай иерархию. В этой квартире главный — я. Второстепенные роли распределены между холодильником и вашей тетушкой. Твое место — гостевое, возле балконной двери. И не дыши так громко, ты сбиваешь мне вибрацию верхних чакр.

Роман отложил ложку. Потер лицо руками.

— Я прилетел в Москву отдохнуть, — простонал он в ладони. — Попить пива, сходить в Третьяковку. Вместо этого я ем борщ в компании нобелевского лауреата по психиатрии и демона-кота. Жизнь боль.

— Истинная правда, — мурлыкнул я, чувствуя, как вибрация моего голоса заставляет волоски на его предплечье встать дыбом. — Особенно когда осознаешь, что вся твоя карьера инженера построена на извлечении углеводов, которые являются лишь побочным продуктом метаболизма древних существ. Кстати, о нефти. Буровая платформа «Восточная-7», на которой ты работаешь, стоит аккуратно над гнездом подземных элементарей. Они крайне недовольны тем, что вы качаете их лимфу. В прошлый вторник падение давления в третьем секторе было вызвано не износом насоса, а тем, что старший элементаль Игнат плюнул песком в крыльчатку. Передай своему мастеру участка, пусть купят ему в подарок хороший шотланд-

ский виски. Оставьте бутылку на северо-восточном углу платформы. Иначе в следующий раз он устроит вам фонтанирующий выброс не газа, а первозданного хаоса. Приятного аппетита.

Я грациозно развернулся, продемонстрировав ему свой пушистый зад — высшее проявление кошачьего доверия и одновременно оскорбления — и неспешно удалился в спальню Алисы. Нужно было проверить температуру батареи. Пришедший гость изменил теплообмен во всей квартире, и мои старые кости начинало предательски ломить от сквозняков.

За спиной я слышал, как Роман медленно, механическими движениями доедает борщ. Звук ложки о дно тарелки отдавался в пространстве странным эхом.

Добро пожаловать в семью, инженер. Держись крепче за свое мировоззрение. Впереди у тебя тридцать дней отпуска, сломанная логика и прорыв древнего зла. Обещаю, скучно не будет никому. Даже мне, хотя я видел рождение звезд.

Глава 3. Соседка, которая пахнет ладаном и серой

Утро в Москве начинается не с кофе. Оно начинается с вибрации.

В шесть часов четырнадцать минут утра мой вибриссный аппарат зафиксировал низкочастотный гул, идущий от несущих стен дома. Для обычного человека это звучит как «вж-ж-ж» проезжающего под окном мусоровоза. Для меня — как предродовые схватки самого мироздания. Стены нашего старого фонда на Таганке помнят многое: сталинские репрессии, хрущевскую оттепель, брежневский застой и дефолт девяносто восьмого. Но то, что начало происходить сейчас, было чужеродно даже для этих пропитанных историей кирпичей.

Я открыл один глаз. Желтый, вертикальный зрачок сузился до толщины иглы. Роман спал на гостевом диване. Инженер сопел ровно, глубоко, раскинув руки крестом — поза парашютиста перед ударом о землю. Его мозг обрабатывал вчерашний когнитивный шок. Во сне он дергал ногой. Судя по частоте сокращений четырехглавой мышцы бедра, ему снилось, что за ним гонится производственная комиссия Ростехнадзора, а у него из инструментов только кот и половник.

Алиса уже встала. Я слышал ее в ванной. Звук был неправильным. Обычное утреннее омовение человеческой самки сопровождается плеском воды, шуршанием зубной щетки и звоном флаконов. Сейчас же к этому аккомпанементу добавлялось ритмичное постукивание металла о фарфор. Метроном. Она медитировала над унитазом, держа в правой руке серебряный колокольчик, которым обычно сгоняет астральную плесень с углов.

— Гавр, подъем, — крикнула она сквозь закрытую дверь. Голос звучал напряженно. Частота формант изменилась, выдавая спазм гортани. Адреналин. — Тамара Игоревна сегодня ночью опять открывала форточку в астрал. У нас вся кухня провоняла геенной огненной.

Я потянулся, выгибая спину идеальной дугой. Хрустнули позвонки. Спрыгнул с кровати, бесшумно прошел по коридору. Мои подушечки лап созданы эволюцией (и несколькими темными ритуалами моих предков) для абсолютной тишины. Роман перевернулся во сне, пробормотав: «Скважина... обвал породы... нет, Гаврила, не трогай манометр...»

Блаженный. Он думает, что самое страшное, что может случиться сегодня — это падение давления в трубе.

На кухне действительно стояла вонь. Сложная, многослойная химическая композиция. Первый слой — озон. Резкий запах электрических разрядов, который остается после прохождения через пространство высоковольтного потенциала. Второй — жженая сера. Не та дешевая сера, которую бабушки покупают в аптеке для суставов, а чистая, первородная, добытая из недр того места, куда ссылают непослушных демонов пятого круга. И третий, самый отвратительный — запах паленой кошачьей шерсти.

— Доброе утро, братоубийца, — процедил я, запрыгивая на столешницу. Мой хвост начал мерно стучать по дверце навесного шкафа, оставляя на матовом белом глянце едва заметные царапины. Алиса вздрогнула и обернулась. В руках она сжимала чугунную сковороду. На ней шкворчали яйца, но желток одного из них подозрительно светился ультрафиолетом.

— Я тебе сколько раз говорила не называть меня так? — Алиса выключила газ. Запах горящего сливочного масла немного перебил серу. — Это была юридическая передача фамильяра согласно пункту семь-бис Кодекса Сливных Колодцев Нижних Реальностей. Ты ушел добровольно. Там подписано твоей кровью. То есть моей кровью, потому что ты тогда палец мне прокусил до кости.

— Я думал, ты режешь лук! — возмутился я. — Мне было три года! Меня ввели в заблуждение испарения сульфеновых кислот! Если бы я знал, что вместо законной опеки рода Сдых

попаду в квартиру к телевизионной шарлатанке, которая кормит меня паштетом из масс-маркета, я бы лучше позволил той болотной гидре переварить себя в девятнадцатом веке!

Алиса тяжело вздохнула, прислонилась бедром к мойке. Утренний свет из окна падал на ее лицо, подчеркивая темные круги под глазами. Синдром хронической усталости наложился на магическое истощение.

— Гавр, у меня нет сил на этот разговор в семь утра, — сказала она тихо. — У меня эфир вечером, мне нужно настроить альфа-ритмы мозга, а вместо этого я всю ночь слушала, как Тома Игоревна читает заклинания вызова домового на языке, которого не существует в человеческих глотках. У нее балкон трясся. Буквально. Плющ осыпался.

Тамара Игоревна Сдых. Семьдесят четыре года. Выглядит на шестьдесят пять благодаря регулярному употреблению настойки боярышника на слезах некрещеных младенцев (по слухам, которые она сама же и распускает). Соседка сверху. Женщина-вулкан, женщина-цунами, женщина, способная проклясть вашу кредитную историю одним взглядом, если вы заняли ее парковочное место у подъезда.

Их вражда с Алисой длилась десять месяцев и давно вышла за рамки бытовой склочности пенсионерок и молодухи в минеюбке. Это была вендетта двух разных школ магии. Алиса — наука, холодный расчет, префронтальная кора головного мозга. Тамара — старая кровь, сырой дар, безумие тех, кто пришел Оттуда.

Семья Сдых бежала в наш мир лет сорок назад. Говорят, они закрыли за собой дверь пинком ноги, оставив позади какую-то глобальную катастрофу их родного измерения. С тех пор Тамара Игоревна страдала тяжелой формой географического патриотизма. Она ненавидела Москву, панельные дома, очереди в поликлинике и сериал «Санта-Барбара». Каждое полнолуние она пыталась открыть обратный портал. Проблема была в том, что навигация у беженцев из другого мира работала хуже, чем у таксистов-нелегалов. Вместо своей волшебной страны она регулярно открывала канализационный люк прямо в измерение вечных мук или склад просроченных продуктов фирмы «Мираторг».

— Пойду проведаю старуху, — решил я. Спрыгнул со стола. Лапы мягко спружинили о линолеум. — Посмотрю, не открыла ли она дыру в преисподнюю прямо над нашим холодильником. Если мои консервы тунца подвергнутся температурной обработке свыше ста градусов без моего участия, я объявляю войну всем мирам сразу.

— Аккуратнее там, — Алиса протянула мне кусочек подсушенного хлеба. Я брезгливо отвернулся. — У нее вчера гости были. Какие-то странные личности в черных плащах. Стояли под козырьком, курили что-то вонючее. Похожи на металлистов восьмидесятых, только глаза светятся красным.

— Это не металлисты, — фыркнул я, обходя лужицу растекшегося ультрафиолета от желтка. — Это гончие Бездны. Низшие ищейки. Пахнут страхом и дешевым табаком Прима. Значит, проход все-таки приоткрылся. Старая карга совсем из ума выжила. Ладно, пойду спасать наш район от демографического взрыва нежити.

Подъем на четвертый этаж занял у меня тридцать секунд. Лифт я проигнорировал принципиально — тесная коробка, обитая дерматином, пропахла чужой мочой и отчаянием. К тому же в замкнутом пространстве шахты лифта скапливается слишком много электромагнитного мусора, сбивающего мою внутреннюю систему ориентирования.

Дверь квартиры Сдых выглядела как портал в Нарнию для алкоголиков. Обита потертым черным дерматином, местами прожженным сигаретами. Поверх дерматина гвоздем нацарапаны охранные руны. Руны были кривыми — видимо, выводила сама Тамара Игоревна левой рукой в приступе тремора. Самая крупная руна, означающая «Стой, убьет», съехала вниз, превратившись в неприличный символ. Даже древнее зло страдает от артроза пальцев.

Я поднял лапу и требовательно постучал в филенку. Не когтем — это пошло. Я использовал ментальный импульс. По ту сторону двери раздался звук, похожий на падение мешка с картошкой, матерную ругань на неизвестном диалекте и звон разбивающегося стекла.

— Кого там бес принес?! — проскрипел голос, усиленный замочной скважиной. Тембр голоса Тамары Игоревны уникален. Он находится в диапазоне инфразвука, вызывающего расстройство кишечника у мелких грызунов. — Алиска, своих кобелей ко мне не подсылать! Знаю я твои методы, шалава телевизионная! Сначала котика увела, теперь мужиков хочешь подослать?!

— Открывайте, графиня, — промурлыкал я, садясь перед дверью и обвивая лапы хвостом. — Ваш полтергейст проснулся. Принес счет за коммунальные услуги и компенсацию морального вреда за бессонную ночь. У меня давление повысилось, мне нужен покой и вальерьянка высшей очистки.

Замок щелкнул. Дверь приоткрылась ровно на длину дверной цепочки. В щели показался глаз. Один. Второй был скрыт марлевой повязкой, пропитанной чем-то зеленым и слизким.

Глаз моргнул третьим веком. Человеческие глаза так не умеют.

— Гаврила? — голос дрогнул. Цепочка осталась на месте. — Явился, Иуда. Предатель шерстяной. Как там твоя новая хозяйка? Всё еще дурит народ за прайм-тайм?

— Моя нынешняя хозяйка обеспечивает мне доступ к премиальному сегменту белковой пищи и центральному отоплению, — холодно ответил я. — Ваша прапрабабка, ушедшая за завесу, передавала привет и спрашивала, когда вы перестанете портить борщ неуместными призывами Древних. Из-за вашей ночной активности у Сафиных скисло молоко. Вы понимаете, что натворили? Осквернить священный продукт сепарации жиров — это вам не таракана тапком прихлопнуть. Открывайте немедленно, пока я не пометил ваш косяк на молекулярном уровне.

Цепочка упала. Дверь распахнулась.

Запах ударил плотной волной. Пришлось сделать шаг назад, чтобы не вдохнуть лишнего. Внутри квартира Сдых напоминала алхимическую лабораторию доктора Франкенштейна после рейдерского захвата цыганским табором. Потолок был затянут паутиной, но пауки в ней сидели неестественно неподвижные, словно ввавшие в анабиоз. На стенах висели пучки трав, половина из которых принадлежала к Красной книге РФ, а вторая половина вообще не росла на этой планете.

Посреди гостиной стоял круглый стол, накрытый бархатной скатертью цвета запекшейся крови. На столе — череп (судя по зубам — бобра-переростка), семь черных свечей, которые плакали настоящими каплями дегтя, и старый кнопочный телефон «Нокиа» с оторванной антенной.

Сама Тамара Игоревна восседала в продавленном кресле. Сегодня она выбрала образ боевой ведьмы на пенсии: байковый халат в розочки, поверх него — жилет из собачьей шерсти, на ногах — обрезанные валенки. Седые волосы всклокочены, на лбу испарина. Перед ней на коленях стоял пластиковый тазик, наполовину заполненный мутной водой. В воде плавало куриное яйцо.

— Что, пришол посмотреть, как бабка копыта отбросит? — прохрипела она, тяжело дыша. Ее грудная клетка ходила ходуном. — Накаркала, зараза синеглазая. Переборщила я вчера. Хотела чуток энергии качнуть из нижних планов, чтобы поясница не ныла, а оно ка-а-ак поперло...

Она кивнула на окно. Балконная дверь была распахнута настежь. Тюль колыхалась, хотя ветра на улице не было. За стеклом, на перилах балкона, сидел огромный черный ворон. Или то, что пыталось им быть. Птица имела три глаза. Два обычных, бусинки, смотрели тупо и злобно. Третий, расположенный посреди лба, был абсолютно белым, слепым бельмом, и он медленно вращался против часовой стрелки.

— Симпатичный питомец, — заметил я, игнорируя угрозу. — Зовут Тот-Кто-Постоянно-Срет-на-Капот-Вашего-Авто?

— Заткнись, меховой выкидыш, — беззлобно бросила Тамара. Она взяла со стола гра-
ненный стакан, на дне которого плескалась жидкость чайного цвета. Отпила, поморщилась.
— Помоги лучше. Сил нет эту дрянь держать. Прорыв открылся. Нестабильный, маленький.
Ворота дрожат. Если эта штука вылезет окончательно, нам с тобой мало не покажется. А уж
твою Алиску вообще на атомы разберет, она же у нас тепленькая, наукоемкая. Демоны такие
потенциалы любят.

Роман внизу наверняка назвал бы это «массовым психозом на фоне интоксикации парами
ацетона». Алиса назвала бы это «неконтролируемым выбросом кортизола и активацией мин-
далевидного тела, приводящим к зрительным галлюцинациям».

Я подошел ближе к столу. Опустил голову, приняхиваясь к тазику с яйцом. Вода в нем
бурлила мелкими пузырьками, хотя стояла на деревянном столе. Яйцо внутри скорлупы пуль-
сировало тусклым багровым светом.

— Ритуал закрепления вышел из-под контроля, — констатировал я. — Вы использо-
вали соль четвергового помола вместе с железными опилками от старой советской мясорубки.
Создали гальваническую пару. Плюс эта менструальная кровь на заговоре вступила в реакцию
с озоновым слоем. Получился эффект полупроводникового диода. Энергия пошла в одну сто-
рону, а обратно выйти не может. Давление растет.

— Умничаешь всё, — скривилась Тамара. — Лучше скажи, как закрыть. У меня свечи
кончаются. Последняя пачка церковных была, тонкие брать не хотела, толстые ставить —
фитиль трещит, духов пугает.

— Где ключ? — спросил я.

Ключом в подобных конструкциях всегда служит физический объект-якорь. Что-то, свя-
зывающее оператора (Тамару) с точкой прорыва.

Старуха закатала рукав халата. На сморщенной коже предплечья красовался свежий
порез. Глубокий, воспаленный по краям. Кровь уже спеклась черной коркой.

— Вот он, красавец, — горько усмехнулась она. — Своей рукой резала. Думала, малой
кровью отделаюсь. А оно требует дань. Видишь птичку?

Ворон на балконе издал звук, похожий на скрежет пенопласта по стеклу, смешанный с
визгом тормозов. Его белый глаз уставился прямо на меня. Температура в комнате упала на
десять градусов. Пар изо рта Тамары пошел облачком.

— Это не птица, — сказал я, чувствуя, как шерсть вдоль позвоночника встает дыбом.
Настоящая угроза. Не театральная постановка Ильи Марковича, не пьяный электрик Петрович.
— Это аватар-страж. Кто-то очень сильный держит тот конец веревки. И этот кто-то устал
ждать приглашения.

— Да плевать кто там! — рявкнула Тамара Игоревна неожиданно громко. В ней просну-
лась сталь женщины, пережившей эвакуацию целым миром. — Закрывай давай, пушистая сво-
лочь! Ты же дух-хранитель! Твоя работа — хранить! Вот и храни! Используй свою хваленую
силу!

Она швырнула в меня пустым стаканом. Я лениво уклонился. Стакан врезался в стену,
рассыпавшись сотней осколков.

И тут снизу раздался звук. Громкий, уверенный звонок в дверь нашей квартиры. Та-да-
да! Три удара. Пауза. Два удара. Почтовый код Романа. «Свои».

Мы с Тамарой переглянулись. В глазах старухи мелькнул ужас пополам с раздражением.

— Только твоего инженера-нефтяника мне сейчас не хватало для полного счастья, —
прошипела она. — У парня сердце слабое. Как увидит ворону трехглазую, инфаркт словит.
Мне потом его труп прятать? У меня балкон маленький, не влезет.

— Сидите здесь, — приказал я. — Никому не открывать. Делайте вид, что вы обычная сумасшедшая старуха, разговаривающая с тазиком. Это ваше призвание, практикуйте.

Я спрыгнул со стола и молнией метнулся к выходу. Спуститься на пролет лестницы заняло доли секунды.

У входной двери Алисы стоял Роман. Свежевыбритый, одетый в чистую футболку и джинсы. В одной руке он держал бумажный стаканчик с логотипом известной кофейни, в другой — пакет из супермаркета. От него пахло дорогим одеколоном, морозным воздухом улицы и... неуверенностью.

Он нажал на кнопку звонка снова. Дз-зынь!

— Иду! — крикнула изнутри Алиса. Судя по топоту, она бежала из спальни.

Роман услышал шаги, повернул ручку замка. Он подумал, что дверь открыта. Логично. Мы часто оставляем ее на защелке, когда ждем друг друга.

Щелчок язычка замка совпал с моментом, когда Роман толкнул тяжелую дубовую панель внутрь.

Он сделал шаг вперед, переступая порог.

Взгляд его упал на мои лапы. Затем на коврик. Затем он поднял голову выше. Прямо посреди нашей уютной прихожей, переливаясь всеми оттенками нефтяного пятна на воде, висело Оно.

Это не было привидением из простыни. Это была геометрическая аномалия. Пространство свернулось в тугой узел размером с футбольный мяч. Углы комнаты внутри этого узла сходились под градусами, которых не существует в Евклидовой геометрии. Из центра узла торчала рука. Тонкая, бледная, почти прозрачная человеческая рука, пальцы которой заканчивались не ногтями, а острыми, как хирургические скальпели, костяными лезвиями.

Рука ощупывала воздух. Медленно, методично. Она тянулась прямо к лицу Романа.

Время замедлилось. Я видел каждую микросекундную задержку синаптической передачи в мозгу племянника. Сначала сработали затылочные доли. Распознавание образа.

«Объект гуманоидный. Угроза высокая».

Затем информация ушла в миндалевидное тело. Всплеск адреналина. Вазоконстрикция периферических сосудов. Лицо Романа мгновенно побелело, губы посинели. Далее сигнал поступил в моторную кору.

Но вместо того, чтобы бежать с криком (стандартная реакция приматов), инженер Сафин совершил нечто невероятное. Его левая рука, держащая пакет, дернулась. Рефлекс сохранения имущества. Пакет полетел на пол. Содержимое — стеклянная банка огурцов, бутылка кефира и батон докторской колбасы — начало выпадать в замедленной съемке. Правая рука с кофе тоже пошла вниз.

А затем Роман Сафин сделал то, чему его учили на курсах промышленной безопасности. Он оценил риск столкновения с препятствием. Навесной шкаф с одеждой находился слева. Узкий коридор исключал маневр отхода назад. Прямо перед ним — аномалия.

Инженер принял единственное логичное решение в условиях дефицита времени и пространства. Он вытянул обе руки ладонями вперед в универсальном жесте «СТОП», набрал полную грудь воздуха и заорал: — ЭЙ! ПОШЛА НАХЕР ОТСЮДА, ТВАРЬ! ЭТО МОЯ ТЁТИНА ПРИХОЖАЯ! ПОЛ НЕ МЫТ!

Звуковая волна мощностью около ста децибел ударила в пространственный узел. Воздух задрожал. Костяные лезвия на пальцах замерли.

В этот момент из кухни выскочила Алиса. В руках — чугунная сковорода. Волосы стоят дыбом от статики. Глаза мечут молнии. — Рома, не дыши на неё! Там споры плесени третьего класса опасности! Задержи дыхание!

— Я ЕГО ЗАДЕРЖУ! — проревел Роман, делая шаг вперед. Огромный, тридцатилетний мужчина, привыкший командовать бригадой суровых буровиков, шел грудью на межпро-

странственную сущность. — ПШЁЛ ВОН! Я СЕЙЧАС ТЕБЕ ВСЕ ЩУПАЛЬЦА ПО ОБОРВУ, КОММУНАЛЬНАЯ ТЫ МРАЗЬ!

Пространство не выдержало такого напора чистого, незамутненного материализма, приправленного отборным русским матом. Узел не мог обработать команду «Пол не мыт». В базе данных древнего зла отсутствовал протокол взаимодействия с разгневанным инженером ЖКХ-этики.

Раздался звук, похожий на лопнувшую струну контрабаса. Пространственный карман схлопнулся. Рука втянулась внутрь самой себя. Воздух с громким хлопком заполнил вакуум.

Наступила тишина. Слышно было только, как на пол падает последняя капля кофе из перевернутого стаканчика Романа.

Племянник стоял посреди прихожей, тяжело дыша. Грудная клетка ходила ходуном. Кулаки сжаты так, что побелели костяшки. Весь его жизненный опыт, весь университетский курс физики и термодинамики кричал ему, что последние двадцать секунд невозможны. Их не должно было быть в реальности.

Он перевел взгляд налитых кровью глаз на меня.

— Гавр, — прохрипел он. — Скажи мне, что это был просто глюк. Скажи, что я не спал трое суток и у меня белая горячка. Скажи, что тетка не хранит в кладовке гранатомет.

Я подошел к нему, встал на задние лапы, уперся передними в его штанину и посмотрел прямо в расширенные зрачки. Почувствовал запах его страха — острый, кислый, металлический.

— Белая горячка выглядит иначе, — сухо сообщил я. — Там обычно зеленые чертики и требование выдать зарплату. Это был Шепчущий Сквозняк. Разведчик. Тот, кто идет за дверью. Поздравляю, инженер. Твой отпуск официально перестал быть скучным. И вытри слюну, у тебя уголок рта течет. Некрасиво.

За моей спиной Алиса медленно опустила сковороду. Она смотрела на Романа со смесью ужаса и какой-то мрачной гордости.

— Ты... ты на него орал, — выдохнула она. — На существо из Бездны. Матом.

— А чего оно своими ножичками тут размахивает? — Роман шумно выдохнул через нос, провел рукой по лицу, размазывая пот. — Нормально делай — нормально будет. Надо было святой водой плеснуть. У тебя есть святая вода?

— Есть раствор хлоргексидина и освященное машинное масло, — ответила Алиса, приходя в себя. — Масло помогает от ржавчины в замках, туда иногда лезет мелкая погань.

— Сойдет, — кивнул Роман. Он наконец расслабил кулаки. Посмотрел на разбитую банку огурцов. — Жалко. Хорошие были огурцы. Бабушкинские.

Внезапно сверху, прямо над нашими головами, раздался оглушительный треск. Словно по бетонному потолку ударили кувалдой. Пол содрогнулся. С люстры посыпалась штукатурка.

Белый глаз ворона с балкона Тамары Игоревны смотрел на нас сквозь наше собственное окно. Птица сидела на ветке рябины, которая почему-то оказалась в полуметре от стены дома, нарушая все законы гравитации и архитектуры.

Из квартиры Сдых раздался вой. Протяжный, нечеловеческий, полный такой вселенской тоски и ярости, что у меня заложило уши.

А следом раздался грохот. Упало что-то тяжелое. Железное. Старое советское трюмо, которое стояло в коридоре у Тамары Игоревны, оно весило центнер.

— Она его выпустила, — прошептала Алиса. Лицо ее стало белым как мел. — Ритуал пошел вразнос. Она потеряла контроль над печатью.

Роман посмотрел сначала на потолок, потом на разбитые огурцы, потом на меня. В его глазах больше не было ни капли скепсиса. Остался только чистый, концентрированный фокус профессионала перед сложной задачей.

— Так, — сказал он, засучивая рукава чистой футболки. — Тётя Алиса. Где у тебя плотный картон, изоленда и респиратор? И объясни мне принцип работы этой печати. Мне нужно знать точку приложения силы, чтобы вбить туда временный распор. Иначе эта бабушка обрушит нам весь стояк.

Я прижался боком к его ноге, успокаивая. Шерсть слегка заискрила. Добро пожаловать в семью, Роман. Кажется, ваши навыки управления буровой установкой скоро понадобятся нам гораздо ниже уровня земли.

Глава 4. Нейробиология чуда

Если вы когда-нибудь пытались объяснить инженеру-нефтянику, почему нельзя использовать эпоксидную смолу для герметизации межпространственных разломов, вы поймете масштаб катастрофы, воцарившейся в квартире Алисы Сафиной к десяти часам утра.

Роман стоял посреди гостиной и смотрел на трещину в потолке. Трещина выглядела как молния, застывшая в момент удара о землю. Она не просто нарушала целостность штукатурки — она преломляла свет иначе. Лучи утреннего солнца, падающие из окна, попадали в эту щель и выходили с другой стороны под углом в сорок пять градусов, рисуя на паркете искаженную, вытянутую тень от ножки стола.

— Это физически невозможно, — произнес Роман в сотый раз за последние полчаса. Его голос звучал глухо, словно он находился внутри колокола. — Нарушение когерентности фотонов. Если это сквозняк, то у него коэффициент преломления выше, чем у алмаза. И оно... пульсирует. С частотой около двух герц. Как сердечный ритм спящего человека. Или умирающего.

Алиса сидела на корточках перед этой самой трещиной. В руках у нее была лазерная указка и рулетка. На носу сидели очки в тонкой металлической оправе, которые делали ее похожей на безумного профессора из старых фильмов. Вместо банного халата, в котором она обычно встречала конец света, на ней был лабораторный комбинезон цвета хаки, извлеченный из недр кладовки.

— Не сердечной ритм, а альфа-ритм мозга, идиот, — буркнула она, делая пометки в блокноте карандашом. — Пространство скукоживается, потому что Тамара Игоревна пробила мембрану своим кортизолом. Когда пожилая женщина с гипертрофированным чувством вины открывает портал, она делает это на частоте панической атаки. Вот мембрана и вибрирует в резонанс с ее миндалевидным телом. Рома, перестань гипнотизировать потолок, ты меня сбиваешь с расчетов. Мне нужно понять, хватит ли нам обычного раствора соли или придется покупать освинцованное стекло.

Я лежал на холодильнике. Холодильник тихо гудел, пытаюсь компенсировать падение температуры в комнате до плюс четырнадцати градусов. Мои вибриссы покалывало от статического электричества. Запах озона стал настолько густым, что его можно было резать ножом и подавать вместо спаржи к завтраку.

— Вы оба сошли с ума, — констатировал я, лениво дергая хвостом. — Один измеряет демоническую эманацию рулеткой из «Фикс Прайса». Вторая собирается затыкать дыру в Бездну пищевой солью «Экстра». Между тем, по ту сторону барьера сейчас формируется аватара-страж четвертого порядка. У него восемь лап, жвала размером с твою инженерную линейку и крайне скверное чувство юмора. Он уже начал переваривать фикус Тамары Игоревны. Я чувствую вкус хлорофилла на своем языке.

Роман наконец оторвался от созерцания трещины. Он повернул голову. Его глаза были красными от лопнувших капилляров — следствие резкого скачка артериального давления при виде невозможного.

— Гаврила, если ты еще раз начнешь говорить голосом диктора программы «В мире животных», я тебя кастрирую повторно. На этот раз болгаркой. Что значит «аватара-страж»? Это химера? Биологический конструктор?

— Это сторожевая собака, которая охраняет склад просроченных душ, — пояснил я. — И судя по тому, как дрожит пол, она услышала запах твоей синтетической футболки из полиэстера и очень заинтересовалась составом ткани. Советую снять. Полиэстер оскорбляет чувства

древних сущностей. Они предпочитают натуральные волокна. Лен. Желательно пропитанный кровью девственниц, но сойдет и обычный.

В кармане джинсов Алисы завибрировал телефон. Звук был агрессивным, механическим вторжением в нашу сюрреалистическую тишину. Она вздрогнула, едва не пролив кофе из кружки, которую держала в левой руке.

— Штерн, — выдохнула она, глядя на экран. На заставке улыбался лысеющий мужчина в очках без оправы, держащий в руках человеческий мозг, раскрашенный флуоресцентными красками. — Только его мне сейчас не хватало.

Доктор Лев Борисович Штерн не был обычным врачом. Официально он числился ведущим консультантом телеканала «ТВ-3» (или где там нынче показывают эзотерику) и профессором кафедры клинической психологии одного весьма уважаемого вуза, название которого он никогда не произносил полностью, чтобы не позорить *alma mater* связью с шарлатанами.

Лев Борисович был единственным человеком в Москве, который знал правду об Алисе. Он знал, что никакой магии не существует. Существует биохимия, психофизиология и блестящее знание человеческой глупости. Именно Штерн написал сценарий половины ритуалов, которые Алиса исполняла в шоу «Скажи, что будет». Он рассчитывал углы падения света так, чтобы вызывать микроприступы эпилепсии у зрителей (вызывающие чувство благоговения), подбирал частоту инфразвука через сабвуферы студии (для ощущения «холода между лопатками») и составлял аромакомпозиции для распыления в зале (запах сырой земли и старого дерева стимулирует память предков).

Когда Алиса ответила на звонок, связь работала отвратительно. Голос Штерна прорывался сквозь треск белого шума.

— ...лисочка, золотце мое телевизионное! — прокаркала трубка. — Ты видела цифры? Доля восемнадцать процентов! Рекорд канала! Этот твой вчерашний трюк с яйцом и венцом безбрачия — это же просто песня! Какой метафорический ряд! Зритель рыдал!

— Лев Борисович, у меня тут пространственный разлом над кухонной мойкой, — перебила его Алиса, прижимая плечом трубку к уху и продолжая делать замеры. — Фикус соседки гниет изнутри наружу. Мой племянник-инженер находится на грани острого психоза с элементами кататонии. А ваш хваленый трюк с яйцом сработал слишком хорошо, потому что Тамара Игоревна бухала настойку боярышника на ртuti и случайно активировала рунический ключ перехода. Так что засуньте свои доли рейтинга себе в синапс, мне нужен совет по экзорцизму.

На том конце провода повисла пауза. Мы слышали только тяжелое дыхание доктора наук. Роман, услышав про «экзорцизм» и «ртуть», медленно опустился на табурет. Табурет скрипнул под его весом, протестуя против нарушения законов гравитации.

— Погоди-погоди, — голос Штерна изменился. Исчезла игривость шоумена, осталась жесткость хирурга. — Повтори. Пространственный разлом? Активированный переход? Алиса, ты хочешь сказать, что старый фольклор оказался рабочей технологией? Этого не может быть. Вероятность статистической ошибки...

— Стремится к нулю, — закончила за него Алиса. — Лев Борисович. Приезжайте. Адрес вы знаете. Код домофона тот же. Купите по дороге три килограмма гималайской розовой соли, канистру святой воды (любого производителя, главное, чтобы минерализация была выше пяти грамм на литр) и пачку аспирина. У меня начинается мигрень от когнитивного диссонанса Романа. Он пытается применить законы термодинамики к существу, которое состоит из чистого невроза.

Она сбросила вызов прежде, чем профессор успел возразить.

Лев Борисович Штерн прибыл через двадцать две минуты. Для пожилого ученого, пользующегося исключительно метро, это был рекорд скорости, достойный книги Гиннесса. Он ввалился в квартиру, тяжело опираясь на трость с набалдашником в виде головы Анубиса. Набалдашник был сделан из дешевой китайской бронзы и весил примерно тонну.

Штерн был одет в дорогое драповое пальто, которое уже стояло колом от холода нашей прихожей. Из-под пальто виднелись безупречно отглаженные брюки и туфли из кожи теленка, которые стоили больше, чем годовая пенсия Тамары Игоревны. В свободной руке он сжимал ручку кожаного саквояжа, откуда торчало горлышко бутылки водки «Русский стандарт».

— Коньяк, приличный коньяк закончился в магазине, пришлось брать водку, — прохрипел он, стряхивая снег с воротника. — Говорят, лучшее средство от сглаза — это четыреста граммов этанола внутрь. Где пациент? Где разрыв континуума? И почему здесь пахнет, как в цехе вулканизации покрышек?

Он прошел в гостиную, остановился перед трещиной в потолке. Достал из внутреннего кармана портативный газоанализатор — маленькую черную коробочку с дисплеем. Прибор немедленно заверещал, выдавая серию истерических писков.

— Азота диоксид превышен в двенадцать раз... Озон... Меркаптановые соединения... — бормотал Штерн, водя прибором вдоль трещины. — Алиса, детка, поздравляю. У вас тут фонит хуже, чем на четвертом энергоблоке. Это не магия. Это неконтролируемая реакция распада неизвестного науке химического элемента. Или биологического газа. Споры плесени нового типа? Грибковая инфекция стен колоссальных масштабов?

— Это дверь, Лёва, — устало сказала Алиса. — Настоящая дверь. Железобетонная плита мироздания дала трещину, потому что семидесятилетняя бабка захотела домой к маме, используя рецепт борща как катализатор.

Роман встал с табурета. Он подошел к доктору, нависая над ним своей массой северного медведя. Инженер проигнорировал странные приборы и уставился прямо в глаза Штерну.

— Вы кто такой? — спросил он тихо, почти вежливо. От этого голоса дрогнули чашки в серванте. — Вы ученый? Тогда объясните мне вот это. Почему воздух имеет плотность воды? Почему звук моей речи возвращается с задержкой в ноль целых четыре десятых секунды? И почему кот вашей коллеги только что сказал мне, что моя футболка оскорбляет чувства собак из ада?

Все замерли. Даже трещина в потолке, казалось, перестала пульсировать. Я мысленно закатил глаза. Ну спасибо, Рома. Вывел врача на чистую воду раньше времени.

Лев Борисович поправил очки. Посмотрел сначала на Романа, потом на Алису. Вдохнул. Поднял руки вверх, признавая капитуляцию.

— Ладно, — сказал он. — Снимаем маски. Раз уж сегодня день открытых дверей в преисподнюю, будем честными. Меня зовут Лев Борисович Штерн. Я действительно доктор медицинских наук. Моя специализация — нейропсихиатрия и прикладная психофизиология. Последние пятнадцать лет я изучаю один вопрос: почему мозги верующих людей работают лучше, чем мозги скептиков?

Он поставил саквояж на стол. Открыл его. Внутри, среди шелестящей бумаги, лежали не амулеты. Там лежали электроды ЭЭГ, датчики пульса, миниатюрные камеры высокого разрешения и несколько пузырьков с плацебо разного цвета.

— Магии не существует, — четко, разделяя слова, произнес Штерн. — Есть физика, биология и химия. Но есть нюанс. Человеческий мозг — это самый мощный квантовый компьютер в известной вселенной. Проблема в том, что девяносто процентов его мощности тратится на поддержание иллюзии собственного «Я». Ритуал — это хакерская атака на собственную операционную систему. Когда человек берет свечу, зажигает ее определенным образом, повторяет определенный набор звуков и верит, что это изменит реальность, происходит следующее...

Он взял со стола маркер, подошел к стене (тщательно обогнув зону аномалии) и быстро нарисовал схему нейрона.

— Смотрите. Ваши мысли — это электрические импульсы, бегущие по аксонам. Обычное состояние сознания — хаос. Миллиарды сигналов сталкиваются друг с другом. Но когда вы начинаете совершать ритуальные действия — монотонные, повторяющиеся, требующие кон-

центрации — ваш мозг переходит в режим экономии энергии. Частота волн падает. Альфа-состояние. Границы между отделами коры размываются. Происходит синхронизация. То, что шаманы называют «вхождением в транс», неврологи называют «гиперсинхронизацией нейронных ансамблей».

Роман слушал, наклонив голову. Инженерный ум жадно впитывал знакомые термины. Электричество. Проводимость. Резонанс. Это была понятная территория.

— Продолжайте, — кивнул Роман.

— Спасибо, — усмехнулся Штерн. — Теперь фокус. В состоянии глубокой синхронизации мозг начинает работать как линза. Он способен концентрировать электромагнитное поле человека. Да-да, вокруг каждого из нас есть слабое магнитное поле. Обычно оно ни на что не влияет. Но если тысячи людей одновременно входят в такое состояние — например, на стадионе или в зрительном зале нашего шоу — их поля суммируются. Возникает локальное изменение плотности вакуума. Микроскопическое искривление пространства-времени.

Алиса подошла ближе, сложив руки на груди.

— То есть всё наше шоу... вся эта дичь с картами и хрустальными шарами... мы просто собираем толпу, вводим их в легкий массовый гипноз, они своими мозгами создают энергетический купол, а я просто ловлю отраженные сигналы их страхов? — спросила она. — Поэтому мои «предсказания» всегда попадают в цель? Я считываю не будущее, я считываю коллективное бессознательное зала?

— Умница, — щелкнул пальцами Штерн. — Золотые слова. Никакой мистики. Чистая статистика и работа с вероятностями. Люди предсказуемы, если знать их гормональный фон. Но... — он сделал драматическую паузу, достал из саквояжа бутылку водки и зубами вырвал пробку. Сделал долгий глоток прямо из горла. Крякнул. — Но иногда, дети мои, теория вероятности дает сбой. Иногда количество веры перерастает в качество реальности. Закон диалектики. Количество переходит в новое агрегатное состояние материи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.